

не был решительным полководцем: подойдя к стенам Флоренции, он вдруг повернул назад и, после посещения Рима для коронации, внезапно умер в 1313 г.

Последние годы жизни Данте провел в Равенне, на службе у графа Гвидо Новелло да Полента. Выполняя дипломатическую миссию в Венеции, Данте простудился в дороге и умер в Равенне 14 сентября 1321 г. Сыновья Данте, сопровождавшие его в изгнании, бережно отнеслись к литературному наследию отца: Пьетро одним из первых написал серьезный комментарий к "Божественной Комедии", Якопо занимался ее переписыванием и распространением. Его дочь, приняв имя Беатриче, стала монахиней в одном из монастырей Равенны.

Джованни Боккаччо никогда не видел Данте, но был знаком с его детьми. Исходя из их рассказов, он так описывает его внешность в своей «Vita di Dante»:

Fu il nostro poeta di mediocre statura, ed ebbe il volto lungo e il naso aquilino, le mascelle grandi, e il labbro di sotto proteso tanto, che alquanto quel di sopra avanzava; nelle spalle alquanto curvo, e gli occhi anzi grossi che piccoli, e il color bruno, e i capelli e la barba crespi e neri, e sempre malinconico e pensoso. Per la qual cosa avvenne un giorno in Verona (essendo già divulgata per tutto la fama delle sue opere, ed esso conosciuto da molti e uomini e donne) che, passando egli davanti ad una porta, dove più donne sedevano, una di quelle pianamente, non però tanto che bene da lui e da chi con lui era non fosse udita, disse all'altre donne: - Vedete colui che va in inferno, e torna quando gli piace, e qua su reca novelle di coloro che là giù sono! - alla quale semplicemente una dell'altre rispose: -In verità egli dee così essere: non vedi tu come egli ha la barba crespa e color bruno per lo caldo e per lo fummo che è là giù? -Di che Dante, perché da pura credenza venir lo sentia, sorridendo passò avanti [Boccaccio 1963, 76].

2. Философские, политические и лингвистические идеи Данте и их лексическое выражение

Философские взгляды Данте, как было не раз замечено, достаточно эклектичны. Их источники большей частью известны из авторских ссылок и цитат. Это Аристотель, Цицерон, Августин, Фома Аквинский, Аверроэс. Другие, не менее актуальные для Данте авторы, присутствующие скрытым образом в его текстах, были идентифицированы лишь в середине XX в., когда в фокус внимания филологов попали сочинения поэта-натурфилософа XII в. Алана Лильского и логико-философские трактаты модистов Сигера Брабантского и Боэция Дакийского, читавших лекции в Парижском университете во второй половине XIII в. В своих лекциях они развивали мысли Аверроэса о потенциальном интеллекте, о независимости философии от теологии и даже вреде последней для свободного развития науки. Сочинения их были запрещены церковью в 1277 г.; Сигер был убит, а Боэций, отрекшись от еретических идей, ушел в монастырь. Мысли Боэция Дакийского о языковых универсалиях во многом определили концепцию *volgare illustre* в

трактате Данте "О народном красноречии"[Corti 1981, 31, 91]. Тезис того же Боэция о наивысшем благе как о возможности совершать добрые дела и открывать научные истины повторяется в разных вариантах во всех сочинениях Данте, например, в начале первой части "Пира": "**La scienza è ultima perfezione de la nostra anima, ne la quale sta la nostra ultima felicitate**" [Conv. I, I, 1] или в словах, вложенных в уста Улисса в XXVI песне "Ада": "**fatti non foste a viver come bruti, ma per seguir virtute e canoscenza**" [Inf. XXVI, 118-120].

Что касается совершения "благих дел", Данте настойчиво повторяет, развивая тезис Аристотеля в "Этике", что истинное величие человека заключается в его благородных поступках, которые приносят ему истинные почести и славу: "**Onde nulla grandezza puote avere l'uomo maggiore che quella de la virtuosa operazione, che è sua propria bontade**" [Conv. I, X, 7]; в "Монархии" он указывает на "благие деяния" как на источник блаженства и как на одну из целей, указанных человеку Богом, который "**duos fines proposuit intendendos**" : "**beatitudinem que in operatione proprie virtutis consistit et beatitudinem vite eterne**" [Mon. III, XVI, 6-8].

Цель своих собственных сочинений Данте видит в том, чтобы принести пользу согражданам - **publice utilitati... fructificare desidero** [Mon. I, 1, 3], а в "Письме к Кангранде" определяет цель "Божественной Комедии" и ее последней части "Рая" как "стремление вывести живущих в этой жизни из бедственного состояния и привести их к состоянию блаженства": "**Finis totius et partis est remove in hac vita de statu miserie et perducere ad statum felicitatis**" [Ep. 39]. Таким образом определяется центральный предикат концептуальной системы Данте: это аристотелевская **operatione con virtù, virtuosa operatione**, или в латинском варианте **actio agentis**, где агенс - субъект активного, т.е. контролируемого разумом действия и тем самым заслуживающего положительной оценки. Разум - **prudentia**, согласно Цицерону, состоит из **memoria, intelligentia, providentia**. Согласно Фоме Аквинскому, **prudentia** складывается из таких процессов как **videre, intelligere, velle**, и контролирует действие как таковое, называемое **actio**; переходя на объект, оно превращается в **factio**, которое регулируется искусством - **ars**. В своей "Монархии" Данте, повторяя это клише - **Quod dico propter agibilia, que politica prudentia regulantur, et propter factibilia, que regulantur arte** - добавляет, что "искусство" проявляется в трех областях: в уме мастера, в инструменте и в материи, преобразованной искусством - **ars in triplici gradu invenitur, in mente scilicet artificis, in organo et in materia formata per artem** [Mon. II, II, 2]. Вслед за Аристотелем и Фомой, Данте различает у человека два интеллекта - созерцательный и деятельный - **intellectus speculativus, qui extensione fit practicus** [Mon., I, III, 9].

Себя Данте определяет как человека деятельного - **practicus**, который в своих сочинениях руководствуется моральной философией. Так, комментируя свою "Комедию", Данте определяет ее философское направление как этику, которая обращена не к созерцательной, а к творческой деятельности: "**Genus vero phylosophie sub quo hic in toto et parte proceditur, est morale negotium, sive ethica; quia non ad speculandum, sed ad opus inventum est totum et pars**" [Ep. 40]. Моральная философия требует от агенса, чтобы он

поступал обдуманно и справедливо - **agere sì è operare per noi virtuosamente, cioè onestamente, con prudenza, con temperanza, con fortezza e con guistizia** [Conv. IV, XXII, 10]. К этому набору стандартных квазисинонимов, обозначающих положительные свойства агенса, как данные ему от природы, так и приобретенные в действии, у Данте добавляются еще два: одно, данное всем людям, как наивысший дар от Бога - это свобода выбора (воли) - **libero arbitrio, libero voler**, - свобода выбрать, как хорошее, так и плохое : **"lume v'è dato a bene e a malizia, e libero voler** [Purg. XVI, 75-76]. Второй дар Бога, предназначенный только для избранных - это вдохновение, гений, фантазия, воображение, - **ispirazione, ingegno, imaginativa, lume di tuo raggio, divinum lumen, semen divinum: - O imaginativa che ne rube... chi move te, se 'l senso non ti porge?... - Moveti lume che nel ciel s'informa...**[Purg. XVII, 13-18] 'О воображение, которое нас уносит... кто тобой движет, если ощущение тебя не вызывает?...Тобой движет луч света, идущий с неба'. Для того чтобы вызвать этот луч, поэты, в отличие от прочих людей, взывают к высшим сферам, прося как бы некий Божий дар: **"multa invocatione opus est eis, cum aliquid contra comunem modum hominum a superioribus substantiis petendum est, quasi divinum quoddam munus"** [Ep. 47].

Действие, переходящее на объект, **factio**, порождает его или преобразует. Однако, будущая форма объекта существует в виде идеи, замысла, образа (**imagine**) сначала в мозгу агенса, который вызывает (каузирует) изменение в материи, так что "все созданное было создано неким интеллектом, непосредственно или опосредованно..." и по этому поводу сказано у Аристотеля в книге "О причинах", что "всякий интеллект полон форм": **"Omne ergo quod est causatum, est causatum ab aliquo intellectu vel mediate vel immediate... Et propter hoc dicitur in libro De Causis quod "omnis intelligentia est plena formis"** [Ep. 59-61]. Идея, к воплощению которой стремится агенс, для него является целью, хотя по отношению к объекту она выступает как причина его возникновения или изменения. Об этом прямо сказано в "Монархии":**...cum in operabilibus principium et causa omnium sit ultimus finis** [Mon. I, II, 7].

Первопричиной всего сущего является, естественно, Бог, называемый у Данте (как и у Фомы Аквинского в "**De divinis nominibus**") по его функциям - **il primo Motore, il Bene dell'intelletto, la Divina Bontade, la Somma Sapienza, il Primo Amore, universalissimo Benefattore**, - от которого исходит "каузирующая сила" - **Omnis vis causandi est radius quidam influens a prima causa que Deus est** [Ep. 70]. Луч божественного разума передается на более низкие субстанции и потом распределяется между людьми неравномерно - наиболее благородные получают больше, ими Бог пользуется как инструментами для достижения своих целей. Таковы, например, Цинциннат, Камилл, Катон - **...manifesto esser dee questi eccellentissimi essere stati strumenti, con li quali procedette la divina providenza ne lo romano impero, dove più volte parve esse braccia di Dio essere presenti** [Conv. IV, V, 17]. Не только выдающиеся общественные деятели, но также философы и поэты-мудрецы, озарены светом божественного разума. Так, в области моральной философии наивысшим авторитетом **maestro e duca della ragione umana** [Conv. IV, VI, 8] - является Аристотель. Там, где прозвучало его божественное слово, все прочие должны молчать - **...in quella parte dove aperse la bocca la divina sentenza d'Aristotile, da lasciare mi pare ogni**

altrui sentenza [Conv. IV, XVIII, 3]. И Данте, очевидно, помня о роли Аристотеля при Александре Македонском, советует монархам сочетать свою власть с авторитетом философов для того, чтобы достичь совершенства в управлении государством: **...congiungasi la filosofica autoritade con la imperiale, a bene e perfettamente reggere!** [Conv. IV, VI, 19]. Данте объясняет, что настоящий монарх - это агент, чьи дела регулируются государственным разумом, - **politica prudentia regulatur** [Mon. I, III, 10] и должны быть направлены к одной цели: **ut homines bene vivant** [Mon. I, XI, 118] 'чтобы люди жили хорошо' Самым близким средством - **propinquissimum medium** - для достижения этой цели является всеобщий мир - **pax universalis**, который может быть установлен лишь при единовластии [Mon. I, IV, 5-6]. Все это, в свою очередь, является благоприятной предпосылкой (**causa**) для самоосуществления потенциального интеллекта, который, согласно Аристотелю и Аверроэсу, не может целиком актуализироваться в деятельности одного человека и требует усилий всего человеческого рода вместе - **genus humanum simul sumptum... Et quia potentia ista per unum hominem...tota simul in actu reduci non potest, necesse est multitudinem esse in humano genere, per quam quidem tota potentia hec actuetur...**[Mon. I, III, 8].

Задачей отдельного человека-агенса является актуализация собственного интеллектуального потенциала, путем перехода от созерцания к действию: **...actuare semper totam potentiam intellectus possibilis, per pruis ad speculandum et secundo propter hoc ad operandum per suam extensionem** [Mon. I, IV, 1]. При направлении действия на объект агент должен выявить все заложенные в нем возможности и, по Аристотелю, **extrahere rem de potentia ad actum**, что означает также довести вещь до совершенства. По мнению Данте, Аристотель достоин доверия и повиновения - **sia dignissimo di fede e di obediencia** [Conv. IV, VI, 7], именно потому, что он довел до совершенства моральную философию. Предмет получает оценку "благородного", "совершенного" - **nobile, virtuoso, perfetto** - когда он начинает полностью соответствовать своему предназначению: **Ciascuna cosa è virtuosa in sua natura che fa quello a che ella è ordinata; e quanto meglio lo fa, tanto è più virtuosa...** [Conv. I, V, 11]. Так, например, язык предназначен для выражения мысли; и тот язык, который делает это наилучшим образом, более благороден. И поскольку латынь выражает понятия, которые не может выразить народный язык, она благороднее, чем итальянский вольгаре: **Così lo sermone lo quale è ordinato a manifestare lo concetto umano, è virtuoso quando quello fa, e più virtuoso quello che più lo fa; onde, ciò sia cosa che lo latino molte cose manifesta concepute ne la mente che lo volgare far non può, sì come sanno quelli che hanno l'uno e l'altro sermone, più è la virtù sua che quella del volgare** [Conv. I, V, 12]. Вместе с тем, выражение мысли не единственное назначение языка. Он служит также для передачи мыслей другим людям: - **nostre mentis enucleare aliis conceptum** [De VE I, II, 3], и поскольку латынь не может служить средством общения для большинства итальянцев, ее благородство частично остается в потенции и не имеет совершенного существования: - **la sua bontade è in potenza, che non è essere perfettamente** [Conv. V, IX, 6]. Поэтому Данте - агент, понимая скрытые возможности итальянского языка, нарушает традиции своего времени и пишет философские комментарии к своим канцонам на вольгаре, сообщая ему истинное, т.е. реальное

благородство и величие - **grandezza**: **E questa grandezza do io a questo amico, in quanto quello elli di bontade avea in potere e occulto, io lo fo avere in atto e palese ne la sua propria operazione, che è manifestare conceputa sentenza...che per questo comento la gran bontade del volgare di sì si vedrà la sua virtù, sì com'è per esso altissimi e novissimi concetti...manifestare** [Conv. I, X, 9-12].

Для того, чтобы агенс, в данном случае Данте, занялся совершенствованием объекта, он должен испытывать к нему любовь, исходящую из "чувственной части души" - **anima sensitiva**. Роль любви как нерационального мотива действия в философском универсуме Данте огромна. Персонифицированный Амор повелевает душой поэта и всеми его поступками в "Новой жизни" [VN, II, 7]. Это же, но более сублимированное чувство испытывает он к "авторитетам" и, метонимически, к благородной даме - философии (канцона «**Amor che nella mente mi ragiona**»). Великая любовь к Вергилию помогает ему писать: - **Vagliami il lungo studio e 'l grande amore che m'ha fatto cercare lo tuo volume** [Inf. I, 84]. Данте берется за перо, когда его вдохновляет любовь - **...quando / Amor mi spira, noto, e a quel modo / ch'e' ditta dentro vo significando** [Purg. XXIV, 54]. По отношению к родному языку - **la propria loquela** - он испытывает не просто любовь, а совершенную любовь: **non solamente amore, ma perfettissimo amore di quella è in me** [Conv. I, XII, 3]. Монархическая власть, по мнению Данте, предпочтительнее демократии или олигархии, потому что монарх очень любит своих подданных и хочет видеть их в наилучшем состоянии: **Cum Monarcha maxime diligit homines...vult omnes homines bonos fieri** [Mon. I, XII, 9]. Согласно Данте, ссылающемуся на Аристотеля и Цицерона, любовь в свою очередь, порождается благородством объекта и его близостью к агенсу: - **naturalmente la prossimitade e la bontade sono cagioni d'amore generative** [Conv. I, XII, 3].

Понятие **prossimitade** в терминах современной лингвистики можно передать как "принадлежность объекта к личной сфере человека". У Данте это такие объекты, как свои родственники, свой город, своя страна, родной язык: **Tanto è la cosa più prossima quanto, di tutte le cose del suo genere altrui è più unita... E così lo volgare è più prossimo quanto è più unito, che uno e solo è prima ne la mente che alcuno altro, e che non solamente per sé è unito, ma per accidente, in quando è congiunto con le più prossime persone, sì come con li parenti e con li propri cittadini e con la propria gente. E questo è lo volgare proprio; lo quale è non prossimo, ma massimamente prossimo a ciascuno** [Conv. I, XII, 5-6]. Таким образом, цепочка финально-каузальных связей между ментальными и сентиментальными состояниями человека и его действиями ведет свое начало от материальных характеристик объекта - его **prossimitade e bontade**. Положительные качества объекта - **nobilitade, virtude, bontade, buona natura**, как уже упоминалось, иногда существуют в потенции, и обнаружить их может только интуиция агенса, который таким образом совершает открытие истинной сущности предмета. Сделать это способны лишь те, кого "высшие субстанции" отметили любовью к истине - **quos ad amorem veritatis natura superior impressit** [Mon. I, I, 1]. Так, сам Данте заявляет о себе, как о первооткрывателе дотоле скрытых истин в самой идее светской монархии - **temporalis Monarchie notitia utilissima sit et maxime latens** [Mon. I, I, 4-5] и надеется за свои открытия заслужить награду.

Следует заметить, что Данте, вслед за Сигером Брабантским, отделяет истину априорную, связанную с верой - **Lì si vedrà ciò che tenem per fede / non dimostrato, ma fia per se noto / a guisa del ver primo che l'uom crede** [Par. II, 43] - от истины научной, которая заключается в логических доказательствах - **nelle dimostrazioni della filosofia dimora** [Conv. IV, II, 19]. Только эта последняя, согласно личному мнению Данте, заслуживает награды, т.к. содержит в себе нечто новое, в отличие от того, что было уже кем-то сказано: - **Nam quem fructum ferret ille qui theorema quoddam Euclidis iterum demonstraret? qui ab Aristotile felicitatem ostensam reostendere conaretur? Nullum quippe, sed fastidium potius illa superfluitas tediosa prestaret** [Mon. I, I, 4]. Эта риторическая декларация о бесполезности повторения уже сказанного отнюдь не мешает Данте очень часто прибегать к цитатам из авторитетных источников - **accipiendo vel compilando ab aliis** [De VE, I, 1, 2]. Однако у Данте повтор общепринятых философских клише служит отправной точкой - "темой" - для введения новых истин и к открытиям новых целей для последующих конкретных дел. Так, наряду с теоретическим трактатом "Монархия" Данте пишет послание императору Генриху VII, призывая его к походу на Флоренцию. Теоретические обоснования необходимости создания всеобщего образцового итальянского языка, на котором можно было бы трактовать научные материи, совпадает с самим фактом создания такого языка в "Пире", где идея и ее воплощение совмещаются. Это открытие и деяние оценивается самим Данте как великое новшество, благодаря которому станет очевидным благородство итальянского языка. Этот усовершенствованный вольгаре явится новым светилом, которое взойдет на месте старого и будет светить всем итальянцам, не знающим латыни - **Questo sarà luce nuova, sole nuova, lo quale surgerà là dove l'usato tramonterà, e darà lume a coloro che sono in tenebre e in oscuritate, per lo usato sole che a loro non luce** [Conv. I, 13, 12].

Трактат "Пир" содержит не только авторское разъяснение аллегорического ("истинного", согласно Данте) смысла канцон, без которого они были бы слишком "темными", но и главным образом, изложение мировоззрения автора, в центре которого находится как **actio**, так и **factio agentis**, направленное на объект - итальянский язык, которому агенс, движимый чувством любви к родной речи, придает совершенное существование. На философском фоне, действительно заимствованном из разных источников, и только в этом смысле эклектичном, Данте конкретизирует свою личную позицию, выделяя такие приоритеты как:

1) Открытие новых, ранее неосознанных в обществе истин - **intemptatas ab aliis ostendere veritates** [Mon. I, I, 4], как , например, то, что монарх не подвластен папе в мирских делах, что только централизованная монархия способна обеспечить мир в Италии, подобно тому, как это произошло в Испании и во Франции; или как то, что итальянский язык можно усовершенствовать, придав ему стабильность латыни. Данте помещает аверроиста Сигера в Рай за то, что "он вывел завидные истины" - **sillogizzò invidiosi veri** [Par. X, 138].

2) Определение свободы выбора при совершении поступка как наивысшего блага, дарованного Богом - **hec libertas sive principium hoc totius libertatis nostre, est maximum**

donum humane a Deo collatum [Mon. I, XII, 6]. Так, проявление добродетели должно быть свободным, а не вынужденным - **la virtù dee avere atto libero e non sforzato** [Conv. I, VIII, 14]. Поэтому наилучший подарок - непрошенный (**non domandato**), т.е. добровольный.

3) Определение всеобщего мнения как не обязательно соответствующего действительности - здесь он полемизирует с самим Аристотелем, заявляя, что любые авторитеты должны отступить перед силой истины: - **La virtude de la veritade che ogni autoritade convince** [Conv. IV, III, 10]. Доказательством же того, что нельзя доверять общему мнению, служит не логическое рассуждение, а собственные наблюдения: "люди большей частью судят по первому впечатлению, а не согласно разуму, и скрытые достоинства других людей не видят" [Conv. I, IV, 3]; кроме того, они подвержены стадному чувству, подобно овцам - и дальше Данте оживляет общее рассуждение картинкой: "Если какая-нибудь овца, переходя дорогу, подскакивает, все идущие за ней овцы тоже будут подпрыгивать, даже если в этом нет необходимости. И я сам видел, как овцы прыгали в колодец одна за другой, вслед первой, которой почудилось, наверное, что это стена. И пастух, напрасно плача и крича, расставлял руки, чтобы им помешать"[Conv. I, XI, 10].

4) Выдвижение на первый план поэта-мудреца, который благодаря своему поэтическому гению - **alto ingegno, semen divinum, divinum quoddam munus** - свободно, на равных и даже свысока обращается к монархам, предписывает нормы поведения людям и указывает им путь к добродетели.

Другими словами, для Данте настоящий поэт - больше, чем поэт. Он мудрый общественный деятель, агенс. Недаром Франческо Маццони, исходя из расширительного смысла термина "агенс" у Данте, окончательно устанавливает принадлежность "Письма к Кангранде" его перу. Как отмечает Маццони, термин **morale negotium** в определении философского смысла "Божественной Комедии" следует понимать как относящийся не только к моральному совершенствованию объекта-адресата, т.е. людей вообще, но и к нравственному процессу в душе самого Данте, к его внутренней биографии [Mazzoni 1955]. Поскольку состояния души слишком сложны и не имеют названий, поэту приходится обращаться к метафоре. Так и поэма Данте отнюдь не видение во сне, как думают некоторые комментаторы, а грандиозная метафора, "описывающая моральное состояние Данте - человека и трагическое положение вещей в мире, который его окружал" [Mazzoni 1967, 76].

Как пишет Данте, смысл его "Комедии" не прост: **Ad evidentiam dicendorum sciendum est quod istius operis non est simplex sensus, ymo dici potest polisemos, hoc est plurium sensuum; nam primus sensus est qui habetur per litteram, alius est qui habetur per significata per litteram. Et primus dicitur literalis, secundus vero allegoricus sive moralis sive anagogicus** [Ep. 20]. "Буквальный смысл "Комедии" - состояние душ после смерти само по себе; если же толковать сочинение аллегорически, речь в нем идет о человеке, который заслуживает поощрения или наказания в зависимости от своих добровольных поступков" [Mazzoni 1967, 24-25]. В "Пире" буквальный смысл комментируемых канцон рассматривается как "красивая ложь", тогда как скрытый аллегорический смысл

называется истинным: **è una veritade ascosa sotto bella menzogna** [Conv. II, I, 1-19]. Это клише присутствует в дефиниции поэзии в «Summa Theologica» Фомы Аквинского (I, I, 9) как "низшей науки", **infima inter omnes doctrinas**, поскольку в ней содержится очень мало истины - **minimum veritatis** [Цит. по: Buck 1965, 264].

Сам Данте принимается за философское толкование канцон из опасения, как бы их красота не прельстила читателя больше, чем их философский смысл, скрытый за фигурой аллегии [Conv. I, II, 17]. Противопоставление буквального смысла как красивой, но обманчивой оболочки аллегорическому смыслу как истинному содержанию произведения, типичное для средневековых риторик и часто повторяющееся в автокомментариях Данте, идет вразрез с точкой зрения Данте-поэта на роль поэзии и функции поэта-философа в обществе. Свое главное сочинение, названное им "Комедией", он определяет как священную поэму, в создании которой участвовали небо и земля, и надеется, что ее достоинства откроют ему путь в родной город, откуда он был изгнан, и куда он вернется в другом обличи и будет коронован как поэт в том же Баптистерии, где был некогда крещен:

Se mai continga che 'l poema sacro
al quale ha posto mano e cielo e terra,
sì che m'ha fatto per più anni macro,
vinca la crudeltà che fuor mi serra
del bello ovile ov'io dormii agnello,
nimico ai lupi che li danno guerra;
con altra voce omai, con altro vello
ritornerò poeta; ed in sul fonte
del mio battesimo prenderò 'l cappello [Par. XXV, 1-9].

Собственно языковедческим проблемам посвящен латинский трактат Данте «De Vulgari Eloquentia» 'О народном красноречии', над которым Данте работал почти одновременно с "Convivio", в 1303-1304 гг, но как и "Пир", оставил неоконченным. «De Vulgari Eloquentia», в отличие от "Пира", имеет не апологетический, а исследовательский характер, где научная мысль, основанная на наблюдении и эксперименте, далеко опережает свое время.

Это сочинение, упомянутое вскользь в "Хронике" Джованни Виллани и в "Жизнеописании Данте" у Боккаччо, оставалось практически неизвестным вплоть до его открытия в начале XVI в. Джанджорджо Триссино, который построил на интерпретации

Дантовского *volgare illustre* свою теорию полидиалектности итальянского литературного языка. О трактате Данте "De Vulgari Eloquentia" см. подробнее [Степанова 2000].

Наиболее важные положения трактата «О народном красноречии» следующие:

1. Данте противопоставляет первичную народную речь (*vulgaris locutio*), которую человек воспринимает без всяких правил, подражая кормилице (*quam sine omni regula nutricem imitantes accipimus*), и вторичную речь, которую римляне называли грамматикой (*Est et inde alia locutio secundaria nobis, quam Romani gramaticam vocaverunt*). Эта вторая речь, в отличие от первой, требует упорного изучения и является созданием искусства. В "Пире" тоже есть аналогичная фраза: "lo volgare seguita uso e lo latino arte, onde concedesi essere più bello e più virtuoso e più nobile". Однако в «De Vulgari eloquentia» вывод о большей степени благородства решается в пользу народной речи, как "естественной" и "первичной": *harum duarum nobilior est vulgaris...tum quia naturalis est nobis, cum illa potius artificialis existat..* "Грамматика", т.е. латынь, рассматривается Данте как "ученая" форма языка, общая разным народам. Она была создана усилиями многих людей *gramatice positores* (т.е. авторов грамматик), которые, опираясь на образцы латинских классиков, установили незыблемые правила грамматики: *que quidem gramatica nihil aliud est quam quedam inalterabilis locutionis idemptitas diversis temporibus atque locis. Hec cum de comuni consensu multarum gentium fuerit regulata, nulli singulari arbitrio videtur obnoxia, et per consequens nec variabilis esse potest [De VE IX, 11].*

2. Данте, следуя средневековым догмам, ведет разговор о происхождении языка "от Адама": Адам получил от Бога первый язык вместе со своей душой. На этом "адамитском" едином языке говорили все потомки Адама вплоть до сооружения Вавилонской башни, когда люди, в наказание за свою дерзость добраться до неба, вдруг заговорили на разных языках, перестали понимать друг друга и разбрелись в разные стороны. Из тех народов, которые обосновались в Европе (германцы, венгры и др.) наибольший интерес для Данте представляют жители Испании, Франции, Прованса и Италии, так как их народные *vulgaria* содержат много сходных слов для обозначения таких важных понятий как *Deum, celum, amorem, mare, terram, est, vidit, moritur, amat* и почти всех других [De VE I, VIII, 6]. Это свидетельствует, как полагает Данте, о происхождении этих *vulgaria* от одного общего языка. Таким языком Данте никак не мог считать латынь, - существовавшую одновременно с *vulgaria* как общий для образованных людей разных стран неизменяемый язык. Оставляя в стороне поиски романского праязыка (который через пять веков будет назван "вульгарной латынью"), Данте ставит перед собой задачу исследовать само явление дифференциации языков и ее причины.

Наблюдая за диалектами Италии во время своих скитаний по стране, Данте выделил 14 наиболее крупных диалектных областей (перечень см. Часть I. Глава 2). Далее он заметил отличия в речи у разных возрастных групп и у жителей разных кварталов одного города (в частности, Болоньи). Все эти наблюдения приводят его к мысли об изменчивости любого языка во времени и в пространстве, что опровергает его же утверждение (в "Пире") о стабильности латыни, которая не подвержена порче и о первоначальной неизменности "адамитского" языка, вплоть до его разветвления на

разные диалекты во время Вавилонского столпотворения. В "Раю" сам Адам подтверждает мысль Данте об органической нестабильности человеческой речи:

"La lingua ch'io parlai fu tutta spenta

innanzi che all'ovra inconsumabile

fosse la gente di Nembrot attenta;

.....

Opera naturale è ch'uom favella,

ma così o così, natura lascia

poi fare a voi, secondo che v'abbella.

.....

..ché l'uso de' mortali è come fronda

in ramo, che sen va e altra vene.

[Par. XXVI, 124-138].

3. Природная изменчивость речи сдерживается стремлением сохранить свой язык как один из признаков единства собственного этноса. Определяя национальную общность итальянцев (*homines latini* - этническое самоназвание *italiano* еще не вошло в обиход) через общность трех признаков - обычаев, привычек и речи - *simplicissima signa morum et habituum et locutionis* [De VE I, XVI, 3], Данте отправляется на поиски такого языка, который был бы общим для всей Италии: *istud quod totius Italie est, latium vulgare vocatur* [De VE I, XIX, 2]. Подобный языковой эталон он не находит ни в одном итальянском диалекте, даже в родном флорентийском, более других сходном с латынью. Между тем, при королевских дворах Испании и Франции такой образец существует реально, тогда как в Италии, из-за отсутствия объединяющей страну монархии, создание общего итальянского языка лежит на людях, отмеченных талантом и ученостью: *in quibus ingenium et scientia est* [De VE II, I, 8]. Такой общий язык никак не связывается у Данте с необходимостью его фонетической и морфологической стабилизации. Это язык искусства, где устойчивость формы сначала возникает в поэзии, связывающей речь ритмом и рифмой, затем ритмическая организованность переходит к прозе [De VE II, I, 1].

Наивысшим образцом высокой поэзии, а далее и прозы, является блестящий, опорный, придворный всеобщий язык - *vulgare illustre, cardinale, aulicum et curiale* - уже существующий реально в стихах Гвиницелли, Кавальканти, Чино да Пистойя и "его друга", т.е. самого Данте.

Мысль Данте о том, что роль хранителей и создателей национального единства при отсутствии централизованной власти принадлежит именно интеллектуальной элите, поэтам и писателям "блестящего" стиля, а не местным "муниципальным" авторам, по существу оказалась пророческой: вплоть до объединения страны в 1870 г. общий итальянский язык был общим только для образованной верхушки общества.

3. Лексемы и словоформы в стихах "Новой жизни".

В 1294 г. Данте объединил свои лирические стихи и связующие их прозаические комментарии в "книжечку" (*libello*); он назвал ее «*Vita Nova*» в соответствии с новым пониманием любви как возвышенно-мистического чувства к ангелоподобному существу - источнику благодати. Для Данте такой "*donna della salute*" была Беатриче, воспетая поэтом "новым сладостным стилем" - *dolce stil nuovo*. Это название закрепилось *post factum* за новым поэтическим направлением только через два десятилетия, когда Данте во второй части "Божественной комедии" вложил в уста Бонаджунты из Лукки признание превосходства "новых форм" - *le nove rime* [*Purg. XXIV, 55-57*]:

«O frate, issa vegg'io» diss' elli «il nodo
che 'l Notaro e Guittone e me ritenne
di qua dal dolce stil novo ch'i' odo».

Стихи поэтов - *dolce stil nuovo* приводятся в трактате «*De Vulgari Eloquenzia*» как образцы *volgare illustre*, не допускающего просторечных или "детских" слов - *manicare*, *mamma*, *babbo*, *mate*, *pate*; слов вульгарных - *femina*, *corpo*; слов неблагозвучных или местных (*municipalia*), непонятных за пределами Флоренции, например, *introcque* (= *intanto*). Рекомендуются слова гармоничные, приятные для слуха, например, *amore*, *onna*, *disio*, *vertute*, *donare*, *letitia*, *salute*, *securitate*, *defesa* [*De VE II, 7*].

Основу поэтического словаря "Новой жизни" составляют лексемы флорентийского вольгаре, близкие по звучанию к своим латинским этимонам, но не являющиеся латинизмами. К ним примыкают немногочисленные заимствования из других романских языков и диалектов, уже укоренившихся в тосканской литературной традиции, как например, латинизмы - *letizia*, *tristizia*, *umiltate*; галлицизмы и провансализмы - *disio*, *covrire*, *leggiero*, *noia*, *gioia*, *alma*, *magione*, *possanza*, *dimoranza*; сицилианизмы - *nui*, *pui*, имперфект на -*ia* (*vivia* вместо *vivea*, *viveva*). Почти каждому заимствованию соответствует флорентийский дублет: *tristizia* - *tristezza*, *beltà* - *bellezza*, *nui* - *noi*, *vui* - *voi*, *alma* - *anima* (о вариативности грамматических морфем в языке Данте см. ниже).

Круг слов-понятий, унаследованных от Гвидо Гвиницелли, пополняется такими ключевыми для Данте словами, как *umiltà* 'благосклонность, снисходительность, смирение', *onestà* 'благородство', *leggiadria* 'изящество', *dolcezza*, *soavità* 'нежность', и, по